

R 90
2/9

ПРИНЦИПЫ

ЖИЗНИ КИТАЯ.

Конфуцій сказалъ Цзы-гуну: «думаешь-ли ты, что я держу въ памяти весь матеріалъ моей громадной учености? нѣтъ, — я все свелъ къ единому принципу». (Лунь-юй, XV, 2).

«Чти отца твоего и мать твою, да благодати будетъ, и да долгодѣтенъ будеши на земли». (Второз., V, 16).

СЕРГѢЙ ГЕОРГІЕВСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. № 39).

1888.

899.63

3297

12867C

ALPHALOO
YTEREVIND
YRABEL

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловіе.

Глава I.	Примитивное вѣрованіе въ продолжаемость существованія души человѣка послѣ его смерти . . .	1
Глава II.	Храмы предковъ	63
Глава III.	Храмы предковъ (продолженіе).	99
Глава IV.	Бракъ	120
Глава V.	Права первородства. Paterfamilias. Родъ	144
Глава VI.	Развитіе многобожія и заслоненіе послѣднимъ культа предковъ	176
Глава VII.	Разрушеніе философіею примитивной вѣры и древняго принципа жизни.	253
Глава VIII.	Конфуціанство и Конфуціи	280
Глава IX.	Ученіе Конфуція.	307
Глава X.	Развитіе Конфуціевой доктрины въ книгахъ классическихъ. Значеніе послѣднихъ въ дѣлѣ управленія имперіею	358
Глава XI.	Развитіе Конфуціевой доктрины вообще въ китайской литературѣ.	388
Глава XII.	Проведеніе конфуціанскаго принципа въ жизнь законодательствомъ	417
Заключеніе		430

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всякій изъ насъ еще со школьной скамьи свыкается съ мыслию, что историческая наука, занимающаяся, какъ извѣстно, только культурными народами, имѣетъ основаніе дѣлить ихъ въ своемъ разсмотрѣніи на народы Востока и Запада; но если спросить, въ чемъ заключается это основаніе и насколько оно прочно, то едва ли получится точный и сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ. Самое понятіе о Востокѣ въ разныя времена было неодинаково и зависѣло оттого, въ рукахъ какого народа была исторіографія. Греки, напр., первые изъ европейцевъ потрудившіеся на пользу исторіи, относили къ восточнымъ народамъ финикянъ, ассири-вавилонянъ, персовъ, индѣйцевъ,—однимъ словомъ, всѣ тѣ народы, которые по самому положенію ихъ владѣній были восточнѣ Греціи. Современные намъ западно-европейскіе историки считаютъ уже восточнымъ народомъ самихъ грековъ, равно какъ обитателей всего Балканскаго полуострова и Россійской имперіи, руководясь въ этомъ случаѣ, конечно, не чѣмъ инымъ, какъ только географическимъ отношеніемъ территорій. Будучи случайнымъ по формѣ, принятое дѣленіе исторіи не выдерживаетъ критики и въ существѣ своемъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ, напр., индѣйцы и англичане, персы и французы не одного и того же арійскаго племени? развѣ,

ассиріане, арабы и евреи не семиты? развѣ, наконецъ. тѣ и другіе не одной и той же кавказской расы? Общность происхождения этихъ народовъ, всего болѣе выражающаяся въ ихъ типѣ, языкѣ и преданіяхъ, какъ бы гармонируетъ и съ общностію ихъ историческаго развитія. Глядя, напр., на современное состояніе Франціи, мы не должны забывать, что культура этой страны выросла на почвѣ римской цивилизаци; что эта послѣдняя была обязана своими успѣхами высокосовершенной, но болѣе ранней образованности Греціи; что, наконецъ, сама Эллада успѣла выработать міровыя идеи въ теченіе столь недолгой самостоятельной своей жизни только по усвоеніи плодовъ образованности Финикіи, въ свою очередь достигшей развитія вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ ассири-вавилонянами и египтянами, древнѣйшими цивилизованными народами міра. Такимъ образомъ, мы замѣчаемъ историческое преемство и должны признать хотя косвенную зависимость французской образованности XIX вѣка по Р. Х. отъ культуры ассири-вавилонянъ за XIX вѣковъ до Р. Х. Отвергая на основаніи всего этого справедливость вышеуказанныхъ дѣленій исторіи, мы тѣмъ не менѣе не желаемъ уничтожить терминовъ Востокъ и Западъ и находимъ ихъ удобопримѣнимыми, но только къ другому нѣсколько содержанію. Если мы пройдемъ по хребту Гималайскому съ востока на западъ, пересѣчемъ Памирскую высь и направимся къ сѣверу по горамъ Болоръ-тага, то тѣмъ самымъ (согласно проф. Васильеву) найдемъ раздѣльную линію между истиннымъ Востокомъ и Западомъ, понимаемыми въ смыслѣ историческомъ; при этомъ по одну сторону окажутся страны, или прямо входящія въ составъ Китайской имперіи, или же частныя ея цивилизаци; по другую—весь древній и новый такъ называемый историческій міръ. Не станемъ указывать всѣмъ извѣстную разницу между опредѣленными такимъ образомъ странами въ отношеніи устройства поверхности,

климата, животного и растительного царства, въ отношеніи, наконецъ, этнографическомъ; замѣтилъ только, что историческое развитіе расъ монгольской и кавказской совершалось для каждой изъ нихъ вполнѣ самостоятельно, хотя и по общимъ законамъ человѣческаго прогресса; что по числу прожитыхъ вѣковъ, по количеству народа, какъ историческаго дѣятеля, и по пространству арены дѣятельности Востокъ весьма немного уступаетъ Западу.

Нерѣдко приходится слышать стереотипную фразу, что культура монгольской расы крайне односторонняя по существу своему и давно уже не переходитъ разъ достигнутаго предѣла, между тѣмъ какъ Западъ безостановоченъ въ своемъ движеніи, и что поэтому исторія нами указаннаго Востока лишена какого бы то ни было, а тѣмъ болѣе научнаго интереса. Мы не можемъ съ этимъ согласиться. Дѣйствительно, въ длинномъ рядѣ вѣковъ Западъ прошелъ значительный путь прогресса, но прогресса волнообразнаго и поочередно смѣнявшагося бѣльшимъ или меньшимъ мракомъ невѣжества. Не изъ песковъ-ли пустынь археологи выкапываютъ памятники египтянъ и ассиро-вавилонянъ, положившихъ основаніе наукамъ математическимъ? Не по саркофагамъ-ли только ученые знаютъ финикянъ, впервые упростившихъ необходимые способы международныхъ сношеній? Не по музеямъ-ли уже разсѣяны осколки великихъ твореній грековъ, достигшихъ апогея во всѣхъ формахъ изящнаго? Не путемъ-ли только мертваго изученія знакомятся съ римлянами, до недостижимаго совершенства выработавшими науку гражданского права? Сколько типичныхъ цивилизацій погибло, прежде чѣмъ новая Европа, послѣ темнаго времени среднихъ вѣковъ, сумѣла усвоить нѣкоторую часть плодовъ прецедентнаго историческаго прогресса и въ своемъ дальнѣйшемъ, самостоятельномъ уже движеніи обнаружила тотъ блескъ умственнаго развитія, который мы теперь замѣчаемъ! Результаты западнаго про-

гресеа безспорно громадны. но, признаемся, мы не можем считать ихъ единственно лучшими, равно какъ не согласны и съ тѣмъ, что культура монгольской расы односторонняя; да и самая соизмѣримость едва-ли возможно при условности понятій объ одностороннемъ и многостороннемъ въ дѣлѣ общечеловѣческаго развитія. Правда, монголь кочуетъ съ своими стадами и юртами такъ же, какъ кочевали его далекіе прадѣды; но такая форма жизни обусловлена и обречена на неподвижность самую природою. Не здѣсь слѣдуетъ искать движенія. Въ незапамятныя времена изъ среды внутреннеазиатскихъ кочевниковъ выдѣлилось маленькое племя, подвинулось къ востоку до крутого изгиба рѣки Хуанъ-хэ, смѣнило кочевой бытъ на осѣдло-земледѣльческій и положило основаніе тому народу, который извѣстенъ теперь подъ именемъ китайцевъ. 4,000 лѣтъ длится ихъ исторія, и можетъ-ли кто-либо сказать, что въ теченіе этого ряда вѣковъ не было прогресса, даже весьма значительнаго? Маленькое племя расло количественно, улучшало формы своей осѣдлости, напрягало силы для защиты себя отъ нападений своихъ кочующихъ сосѣдей, вырабатывало лучший строй внутреннихъ гражданскихъ отношеній и организовалось, наконецъ, въ государство. Это послѣднее постепенно расширялось къ юго-востоку до предѣловъ океана, поглощая исконныхъ обитателей занимаемыхъ территорій, овладѣло всѣми землями нынѣшняго такъ называемаго Собственнаго Китая и оказалось настолько сильнымъ, что могло не бояться за свою цѣлость со стороны сосѣдей сѣверозападныхъ. Внѣшняя безопасность дала возможность Китаю употребить свою энергію на улучшеніе земельной и промысловой культуры, на усовершенствованіе формъ общественныхъ отношеній, на развитіе всѣхъ родовъ словесности, на выработку, наконецъ, опредѣленныхъ и твердыхъ философскихъ воззрѣній. Когда была достигнута высокая степень матеріальнаго благосостоянія и умственнаго

развитія, Китай не остановился въ своемъ движеніи, и, какъ густолиственное дерево тѣнью, сталъ покрывать своею цивилизаціею многочисленныя народы Востока, всего чаще вводя ихъ въ то же время въ кругъ своего завѣдыванія, сталъ выливаться въ ту имперію, которой нѣтъ въ мірѣ равной ни по количеству населенія, ни по объему и солидности основнаго ядра. И кто скажетъ, что эта имперія лишена прочныхъ основъ для своего бытія? Развѣ въ ней не существуютъ бокъ-о-бокъ обрабатывающая и торговая промышленность миллионныхъ городовъ, высокосовершенное земледѣліе, деревенъ и скотоводство необъятныхъ степей? Развѣ все это было бы мыслимо безъ тѣхъ твердыхъ принциповъ, которые одни только и могутъ сохранять гармонію въ столь несходныхъ по внѣшности формахъ общежитія? Дѣйствительно, движеніе Китая, разсматриваемаго самаго по себѣ, за послѣднія столѣтія представляется слишкомъ медленнымъ, какъ бы несуществующимъ. Но не забудемъ, что прогрессъ Китая не подвергался тѣмъ перерывамъ, которые слѣдовали за отдѣльными періодами прогрессивности Запада, и потому менѣе замѣтенъ; не забудемъ также, что при нашемъ несовершенномъ знаніи Востока трудно и судить о количествѣ и качествѣ этого прогресса, тѣмъ болѣе, что мѣркою для него являются наши условно-истинныя воззрѣнія. Вѣдь, и видимое движеніе солнца, чѣмъ это послѣднее ближе къ полудню, становится менѣе замѣтнымъ нежели въ томъ случаѣ, когда свѣтило поднимается съ востока; вѣдь, и измѣненія въ формирующемся юношѣ гораздо яснѣе выражаются, нежели въ возмужаломъ чловѣкѣ, котораго физическая организація и нравственный складъ приняли уже должную опредѣленность. Если мы укоряемъ китайцевъ, этихъ представителей восточной культуры, въ застоѣ, неподвижности, то и они, съ своей стороны, могли бы усматривать въ насъ, и, быть можетъ, справедливо, нетвердость нравственныхъ убѣжденій и прин-

циповъ, какъ семейныхъ, общественныхъ, такъ и государственныхъ. Евангельское ученіе своимъ немеркнущимъ свѣтомъ озаряетъ челоѣчество, и не мимо идутъ слова Спасителя: «Азъ есмь истина»; но люди, либо ослѣпляемые успѣхами разума, либо движимые страстями или парализуемые индифферентизмомъ, не воплощаютъ всецѣло въ жизнь воспринятое, по Божественной благодати, откровенное ученіе Богочеловѣка и, сильные въ маломъ, дерзновенно посягаютъ на великое, нерѣдко теряютъ то, что уже имѣютъ, и находятъ не то, чѣмъ могли бы замѣнить утраченное. Какія же вслѣдствіе этого явленія представляетъ намъ Западъ? Прекратились-ли глубокъ волнующіе общество религіозные споры съ одной стороны и не развивается-ли невѣріе—съ другой? Сознана-ли людьми необходимость раздѣльной грани между религіею, принадлежностію сердца, и философіею, принадлежностію разума, и эта философія не раздѣляется-ли на двѣ нигдѣ несходящіяся вѣтви? Не запрещается-ли очень часто духовенству, призванному руководить народомъ, посѣщать театры, служащіе также для руководства народа и потому поддерживаемые правительствами? Сдѣлались-ли эквивалентными понятія о крайней личной свободѣ и крайнемъ личномъ стѣсненіи? Не сопрягаются-ли стремленіе къ индивидуальной независимости и ея пріобрѣтеніе съ утратою довѣрія къ основамъ семейнымъ и государственнымъ? Рѣшены-ли даже въ теоріи убѣдительнымъ для всѣхъ образомъ вопросы экономическіе? Пришли-ли къ соглашенію (хотя бы высокоцивилизованные французы) относительно лучшей формы правленія и строя государственнаго? И т. д.

Мы выше замѣтили, что историческое развитіе расъ кавкасской и монгольской совершалось вполнѣ самостоятельно для каждой изъ нихъ; но подъ словомъ «самостоятельно» мы разумѣемъ только отсутствіе преемства или заимствованія въ основныхъ началахъ гражданственности, а ничуть не

абсолютную изолированность развитія, которая исключала бы всякое взаимодействіе двухъ отдѣльно развивающихся массъ. Между указанными Востокомъ и Западомъ внѣшнія сношенія существовали со временъ незапамятныхъ, равно какъ и теперь существуютъ. Вспомнимъ только такъ называемое переселеніе народовъ или знаменитыя завоеванія Чинчисъ-хана и его преемниковъ, и намъ станетъ ясно то громадное количество разноплеменныхъ единицъ, которыя должны были перемѣшиваться между собою. Но, помимо этихъ случайныхъ явленій, чрезъ всю исторію Китая проходитъ рядъ связей его съ народами Запада: (египтянами ¹⁾), ассири-вавилонянами ²⁾), жителями Туркестана ³⁾), римлянами ⁴⁾), византійцами ⁵⁾), арабами ⁶⁾ и новоевропейцами ⁷⁾). Въ настоящее столѣтіе сно-

¹⁾ Около 1115 г. до Р. Х. (легендарное) посольство изъ Египта къ императору Чанъ-вану.

²⁾ Около 1637 г. до Р. Х. (легендарныя) посольства къ императору Чжунъ-цзунъ-тай-у отъ западныхъ народовъ, тѣснимыхъ Сезострисомъ.

³⁾ Около 1001 г. до Р. Х. императоръ Му-ванъ, какъ гласитъ легенда, путешествовалъ къ горамъ Куанъ-лунъ.

При Императорѣ У-ди (140—86 г. до Р. Х.) былъ посылаемъ на Западъ Чжанъ-цянъ, и велись войны съ Даваыцами и другими народами Туркестана.

⁴⁾ Сношенія и торговля съ римлянами начались при императорѣ Хо-ди (88—105 г. по Р. Х.); въ 166 г. по Р. Х. въ Китай было отправлено посольство императоромъ Антониномъ.

При императорѣ У-ди-сы-ма-янь (263—290 г. по Р. Х.) въ 284 г. посольство отъ Θεодосія.

⁵⁾ Торговля съ Византією въ обширныхъ размѣрахъ производилась при императорѣ Янь-ди (604—620 г. по Р. Х.).

При императорѣ Тай-цзунѣ (626—650 г. по Р. Х.) посольство отъ Θεодосія, брата Геракліева.

Другое посольство изъ Византіи при императорѣ Юань-цзунѣ (713—755 г. по Р. Х.).

⁶⁾ При императорѣ Юань-цзунѣ (713—755 г. по Р. Х.) начало враждебныхъ столкновеній и торговыхъ сношеній съ арабами (торговля арабовъ въ Кантонѣ прекратилась при императорѣ Си-цзунѣ вслѣдствіе мятежа Хуанъ-чжао).

⁷⁾ При императорѣ Ду-цзунѣ (1264—1275 г. по Р. Х.), когда Хубилай владѣлъ уже Юнь-нанью, Шэнси и Сы-чуанью, въ Китай прибылъ Марко-Поло.

шенія Запада съ Китаемъ сдѣлались прочно установившимися благодаря развитію международной торговли и политическихъ интересовъ, Небесная имперія открывала для иностранцевъ нѣкоторые порты и рынки, сдѣлавшись въ то же время доступною для глазъ туриста почти по всему необъятному своему пространству, и такимъ образомъ представители двухъ самобытно развивавшихся расъ стали лицомъ къ лицу, одинаково готовые къ взаимодействию путемъ мира или вражды, одинаково гордые успѣхами своей цивилизаціи. Но если китайцы презрительны и высокомѣрны, то европейцы съ своей стороны горячи и самоувѣренны: первые не находятъ ничего для себя поучительнаго въ принципахъ и учрежденіяхъ Запада, не хотятъ даже основательно ознакомиться съ ними; вторые, полагаясь на силу своей матеріальной культуры, не отказываются отъ мысли, путемъ пропаганды религіозныхъ и нравственно-философскихъ воззрѣній, въ недалекомъ будущемъ подкопать коренныя основы гражданственности Средняго царства и вывести его на путь такъ называемаго общечеловѣческаго развитія. Уже раздаются возгласы, что Китай одряхлѣлъ, почти совсѣмъ утратилъ свои жизненныя силы, и что скоро-скоро настанетъ то время, когда этотъ колоссъ рассыплется подъ напоромъ западнаго вліянія. Но являются и противники подобному мнѣнію: Китай, говорятъ они, этотъ

При императорѣ Шэнь-цзунѣ (1572—1620 г. по Р. Х.) въ 1581 г. въ Китай прибылъ первый миссіонеръ—Михаилъ Рогерій, и начались сношенія Китая съ католическимъ Западомъ. (Морской торговлѣ Европы съ Китаемъ положилъ начало, въ 1516 г., Фердинандъ Пересъ).

При императорѣ Шунь-чжи (1644—1662 г. по Р. Х.) въ 1654 г. первое русское посольство и начало знакомства и связей Китая съ Россією. (Впрочемъ, еще въ 1567 г. Китай посѣтили посланные Іоанномъ Грознымъ Иванъ Петровъ и Бурнашъ Ялычевъ).

При императорѣ Цянь-лунѣ (1736—1796 г. по Р. Х.) въ 1793 г. первое англійское посольство въ Китай и начало торговыхъ сношеній между Англіею и Китаемъ.

Не исчерпывая, конечно, всего относящагося сюда матеріала, мы указали только болѣе выдающіеся факты.

громадный глубоко вдавившійся въ землю камень, въ теченіе своего четырехъ-тысячелѣтняго существованія испыталъ на себѣ уже много ударовъ, но не рассыпался, даже не треснулъ, много разъ былъ, подкапываемъ, но не сдвинулся съ кореннаго мѣста, каждый разъ глубже уходя въ землю и давя подъ собою тѣхъ, которые легкомысленно довѣрялись своимъ силамъ и предпринимали неисполнимую работу ¹⁾). Которое сужденіе болѣе основательно, покажетъ грядущая исторія; но нельзя не замѣтить, что съ одной стороны вопросъ о будущности Китая имѣетъ громадную, мировую важность, такъ какъ тотъ или другой исходъ столкновенія Востока съ Западомъ существеннымъ образомъ повліяетъ на дальнѣйшій прогрессъ всего человѣчества, а съ другой, что для какого бы то ни было предрѣшенія необходимо полное знаніе обстоятельствъ самаго дѣла, необходимо близкое знакомство какъ съ современнымъ Китаемъ, такъ и съ историческимъ ходомъ его развитія.

Для насъ, русскихъ, Китай представляетъ особенный кромѣ того интересъ, съ одной стороны, вслѣдствіе смежности обѣихъ имперій и ихъ рѣшающаго значенія въ дѣлахъ Средней Азіи, съ другой—въ виду торговыхъ сношеній, которымъ, быть можетъ, суждено развиваться до размѣровъ, далеко превышающихъ то, что мы видимъ въ настоящее время.

Нельзя пожаловаться на скудость извѣстій о Небесной имперіи, такъ какъ, благодаря дѣятельности кабинетныхъ ученыхъ и отважныхъ туристовъ, существуетъ довольно значительная европейская литература, знакомящая насъ съ разными эпохами исторіи этой страны и бытомъ ея обитателей; но нельзя также отрицать, что масса противорѣчій въ выводахъ и заключеніяхъ, противорѣчій, обусловленныхъ частію громадно-

¹⁾ Изъ русскихъ синологовъ перваго мнѣнія держится проф. Васильевъ («Религіи Востока», «Современное положеніе Азіи—Китайскій прогрессъ»), втораго г. Скачковъ («Очерки Китая»).

стію и разнообразіемъ подлежащаго разсмотрѣнію матеріала. частію чрезмѣрною субъективностью или предвзятостью авторовъ, частію, наконецъ, односторонностью ихъ наблюденій, могутъ совершенно сбить съ толку читателя, а тѣмъ болѣе непосвященнаго въ тайнства синологіи. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ не слыхалъ ходячей фразы: «это—китайская церемонія»? Кто, напр., не знаетъ, что въ Китаѣ императоръ долженъ каждый годъ по одному разу собственноручно пахать землю, что юноша не можетъ идти рядомъ со старикомъ, что никого не называютъ его собственнымъ именемъ, что дѣти нерѣдко дарятъ своимъ престарѣлымъ родителямъ гроба, что гость входитъ въ домъ хозяина только послѣ цѣлаго ряда поклоновъ? Что это? спросите вы. Это, отвѣтятъ вамъ, нѣкоторыя изъ тѣхъ церемоній, которыхъ китайцы имѣютъ 10,000, и такой отвѣтъ сочтется удовлетворительнымъ, причемъ неповиннымъ китайцамъ будетъ посланъ упрекъ въ томъ, что они, должно быть, отъ нечего дѣлать забавляются своими церемоніями,—хотя съ другой стороны трудно представить себѣ, чтобы весь народъ, отъ высшихъ до низшихъ, игралъ какъ малыя дѣти. Изъ одного сочиненія мы узнаемъ, что формы китайскаго придворнаго быта, наблюдаемаго въ концѣ прошлаго столѣтія, могутъ служить прекраснымъ нагляднымъ комментариемъ къ тому, что мы читаемъ въ Библии о бытѣ царей ассирійскихъ; въ другомъ сочиненіи описываются обряды чествованія китайцами своихъ усопшихъ родителей и предковъ, и мы не можемъ въ этомъ случаѣ не поражаться сходствомъ такого чествованія съ греко-римскимъ культомъ ларовъ; въ третьемъ разсматривается положеніе китайской семьи, причемъ оказывается, что отецъ почти такой же неограниченный господинъ своихъ домочадцевъ, какъ и римскій *paterfamilias*. Не приводятъ-ли насъ подобные факты къ тому, повидимому, непреложному выводу, что Китай государство архаическое,

до сихъ поръ невышедшее еще изъ того фазиса патріархальности, который давнымъ-давно былъ уже пережить Европою? Но подождемъ дѣлать заключенія и послушаемъ, что говорятъ о Китаѣ другіе наблюдатели его быта и нравовъ. Въ этой странѣ, по ихъ заявленію, существуетъ полная свобода слова и печати, причемъ всякій можетъ быть открытымъ цѣнителемъ мѣропріятій и видовъ правительства; полная свобода вѣры, дающая возможность каждому гражданину по своему произволу принимать христіанство, буддизмъ, магометанство или другую какую религію; въ этой странѣ ассоціаціи и всякаго рода артели достигли такого разнообразія, о которомъ въ Европѣ не имѣютъ еще и понятія; банковыя операціи развиты настолько, что правительство нашло болѣе удобнымъ отказаться отъ своей монополіи выпускать бумажныя деньги и монету изъ драгоценныхъ металловъ; въ этой странѣ, наконецъ, монархическая власть, деспотичная по внѣшнему виду, ограничена въ своемъ проявленіи гораздо болѣе, нежели въ конституціонныхъ государствахъ Запада. Не должны-ли мы въ виду всего этого, прийти къ убѣжденію, что Китай самое либеральное, самое передовое государство ¹⁾? Но какъ же примирить противорѣчія? Въ чемъ искать причинъ ихъ возникновенія?

Мы выше сказали, что неодинаковость сужденій и свѣдѣній о Китаѣ обуславливается, при громадности и разнообразіи подлежащаго разсмотрѣнію матеріала, частію неполнотою и односторонностію наблюденій, частію чрезмѣрною субъективностію или предвзятостію наблюдателей. Но, помимо этихъ

¹⁾ Всего лучше обрисованъ Китай, какъ государство наиболѣе цивилизованное, въ книгѣ г. Симона («Срединное Царство». Перев. г. Ранцева. Спб. 1886 г.); крайнюю рѣзкость сужденій о Китаѣ, какъ государствѣ полудикомъ, мы встрѣчаемъ въ статьѣ г. Пржевальскаго («Современное положеніе Центральной Азіи». Помѣщ. въ Русскомъ Вѣстникѣ. 1886 г. Декабрь).